

Раздался противный, скрежещущий скрип.

Женщина в белом, словно почуяв чужое присутствие, медленно развела руки. Её неестественно тонкие, уродливо вывернутые конечности потянулись прямо к нему.

Нань Цзин затаил дыхание. Он попытался отпрянуть, но в тесном гробу практически невозможно было пошевелиться — отступить было просто некуда.

В крошечной тьме угадывались лишь смутные очертания кривляющейся твари. Сжав в правой руке кухонный нож, Нань Цзин упёрся левой в тяжёлую крышку, покрытую чёрным лаком, надеясь хоть немного приподнять её.

Он нажал сильнее, но дерево даже не шелохнулось.

Сквозь прорехи в белом саване проступала мертвенно-бледная кожа. Нань Цзин в ужасе наблюдал, как на изуродованном лице женщины шевелятся грубые нити, стягивающие рот, а под потемневшей плотью её рук копошится нечто живое. В лицо ему ударил удушливый, тошнотворный запах гнили и плесени. Гроб стремительно превращался в ледяной склеп.

Губы Нань Цзина посинели от лютой стужи, на ресницах осел иней. Вдруг уродливое лицо Женщины в белом оказалось вплотную к нему — чёрные пустые глазницы застыли буквально в сантиметре от его глаз. Нань Цзин попытался отпрянуть, но лишь больно ударился затылком об узкую стенку гроба. Деваться было некуда.

Швы, стягивающие бледные губы женщины, натянулись и с треском лопнули. Из рваной раны засочилась зловонная тёмная кровь. Обезображенный рот беззвучно задвигался, словно она пыталась что-то сказать.

Нань Цзин, вглядываясь в эти судорожные движения, неосознанно прошептал вслед за ней:

— Спаси... меня?

Она просит о помощи?

Ледяная судорога пронзила тело, проникая в самое сердце. Разум заволокло туманом. Нань Цзина словно утягивала в пучину непреодолимая сила, погружая в бездонный, непроглядный кошмар, пока сознание не угасло окончательно.

Придя в себя, он первым делом почувствовал резкий, сырой запах размокшей земли и услышал сильный шум. Тяжёлые дожди хлестали по черепичной крыше — бушевала настоящая гроза.

Шум дождя? Но ведь он только что лежал в гробу! Откуда здесь взяться ливню? И куда делась

Женщина в белом?

Кое-как разомкнув веки, Нань Цзин понял, что видит всё словно в тумане и под странным углом — он лежал на полу, глядя снизу вверх. Прямо перед ним высился тот самый покрытый красным лаком алтарный стол из молельни на третьем этаже. Спинами к нему стояли пять или шесть человек. В левой руке каждого тускло теплилась красная свеча; все они благоговейно кланялись какому-то предмету на столе.

Во главе процессии стоял сухощавый, сгорбленный старик в традиционной белой куртке и свободных чёрных штанах. На его седой голове тускло отражался свет свечей. Позади выстроились крепкие мужчины в точно таких же одеждах.

Старик держал свечу подлиннее, а в правой руке сжимал короткий, изогнутый нож-секач — широкое у рукояти лезвие сужалось к невероятно острому кончику. Подобные клинки обычно используют мясники для разделки туш и снятия шкур.

Он держал нож остриём вниз, готовый в любую секунду пустить его в ход.

— Хорошо, — проскрипел старик. — Тащите жертву.

Он медленно повернулся. Нань Цзин внутренне содрогнулся, узнав в вожаке старосту деревни Одинокого Дракона.

Но сейчас тот выглядел куда страшнее. Если верхняя половина его лица оставалась относительно нормальной, изборождённой глубокими старческими морщинами, то всё, что ниже носа, покрывали жуткие чёрные трупные пятна. Прямо на глазах у Нань Цзина эта скверна медленно, червями, расползалась вверх, захватывая здоровую кожу.

Староста уставился на Нань Цзина мертвенным взором и угрожающе прошипел:

— Что, назад попятился? Деньги от деревни Одинокого Дракона взял, теперь поздно на попятную идти!

Рядом раздался дрожащий, трусливый мужской голос:

— Да нет, староста, мы не отказываемся... Просто... обойдитесь с сестрой помягче, а? Заколотите её в гроб — и ладно. Не надо вот этого всего, что вы задумали...

— Хватит болтать! — рявкнул староста, махнув рукой своим подручным. — Тащите её сюда!

«Сестра?» — мысленно изумился Нань Цзин.

Тут он окончательно осознал, что дело плохо: тело его совершенно не слушалось. Он лежал бревном, не в силах даже шевельнуть пальцем или сморщиться от боли.

Крепкие мужики в белых куртках и тряпичных туфлях грубо схватили его за плечи и волоком потащили к алтарю. Ноги Нань Цзина безжизненно бились о холодный пол.

Голова безвольно мотнулась вниз, и в поле его зрения попали собственные ноги. На них были надеты красные свадебные туфли на толстой белой подошве с острыми носками. Вышивка на них была грубой, а стежки — неровными.

Нань Цзин застыл от ужаса. Он уже видел эти туфли! В первую же ночь в деревне Одинокого Дракона Женщина в белом, спускавшаяся по лестнице третьего этажа, была обута именно в них!

Значит... теперь он в её теле!

Он переживал то, что когда-то случилось с Женщиной в белом перед смертью.

Деревенские олухи швырнули его на пол у красного стола, словно мешок с костями. В их глазах не было ни капли жалости — лишь тупое, бездушное безразличие пополам с жадностью. Той самой первобытной жадностью тварей, готовых растерзать невинного ради собственной выгоды.

Нань Цзин распластался на полу. Повернув голову, он увидел истощённого, желтокожего мужчину. Тот полз к нему на коленях, непрерывно отвешивая поклоны и причитая:

— Сестрёнка, прости ты брата дурного! — запричитал подонок, размазывая слёзы. — Мне ж дом строить надо, жену в дом вести. А от твоей учёбы в университете толку никакого, одни расходы. Вот и пришлось тебя обманом сюда привезти да продать. Зато я теперь и дом подниму, и хозяйством обзаведусь, баба мне наследника родит — род Пан не прервётся! Я тебе могилку хорошую справлю, клянусь! Каждый год буду поминать, благовония жечь! Ты только на нас с отцом и матерью зла не держи. Мы ж тебя столько лет кормили-поили. От курицы хоть яйца есть, а от тебя — пшик один. Да и предсказатель сказал, что судьба у тебя несчастливая. Мы ведь не со зла, нужда припёрла... Ты только на том свете меня не преследуй! Слышишь, не приходи за мной! А я уж за тебя помолюсь, всё чин по чину сделаю!

Вытерев грязным рукавом сопли, этот выродок с нескрываемым нетерпением посмотрел на старосту:

— Староста, забирайте девку. Я... я, пожалуй, пойду, посмотреть на это не буду. Вы только про обещанные двадцать тысяч не забудьте! Мне строиться надо.

В груди Нань Цзина внезапно вспыхнула чужая, удушающая ярость. Это были чувства

Женщины в белом — дикая смесь отчаяния, ужаса и всепоглощающей обиды. Сердце зашлось от глухой боли, но Нань Цзин по-прежнему не мог пошевелить даже пальцем.

Родная семья продала её на растерзание сектантам ради грязных бумажек.

«Ублюдки. Да за такое родню надо собственноручно к праотцам отправить», — со злой ясностью подумал Нань Цзин. Будь на её месте, он бы зубами им глотки перегрыз или спалил дом вместе со всеми, но не дался бы живым.

Стоило этой мысли промелькнуть в его голове, как тонкие девичьи пальцы слабо дрогнули, словно Женщина в белом безмолвно разделяла его глухую, отчаянную решимость.

Селяне навалились толпой, заламывая девичьи руки и ноги, точно мясники на скотобойне. Свечи в их руках приближались, и Нань Цзин чувствовал, как с каждым сантиметром приближающегося пламени тело пронзает невыносимая, жгучая боль.

Староста стоял над ним. Изъеденное чёрными пятнами лицо выражало лишь холодную жестокость. Он забормотал на местном диалекте злое, непонятные слова заговора.

— Держите крепче! — приказал он, окончив молитву. Из-под его дряблых век сверкнул хищный блеск. — Глядите, чтоб свечи не погасли! Это благословенный огонь, он удержит её душу. А теперь слушайте внимательно, как правильно приготовить жертву. Повторять не стану, за ошибку все головой ответите!

Нань Цзин ощутил, как по щекам покатились горячие слёзы. Девичье тело забилося в судорогах, пытаясь вырваться, закричать, но крепкие крестьянские руки держали намертво. Ей оставалось лишь безропотно слушать приговор обезумевших от суеверий палачей.

Старческий голос зазвучал с новой силой:

— Согласно священному писанию, сперва мы должны очистить её прахом. Осыпем её тело священным пеплом, а после забьем скверну розгами, дабы изгнать нечистоту, и облачим в белый саван. После этого, строго по рисунку, надлежит снять кожу от шеи до самой груди. Помните: надрез должен быть ровным, без единого изъяна!

— Поскольку девка осквернена, после кончины она наверняка обратится свирепым призраком и попытается утянуть нас в преисподнюю, — староста сухо кашлянул и продолжил фанатичным, дрожащим от возбуждения голосом: — Посему мы рассечём ей губы и наглухо зашьем их грубой белой нитью, чтобы она не могла издать ни звука. Затем выколем глаза — тогда её дух не отыщет дорогу к палачам. В каждый сустав мы вбьем по железному гвоздю, дабы лишить её возможности двигаться. И наконец — заколотим в чёрный гроб. Так родится истинная жертва! Всё уяснили?!

— Всё уяснили! — хором отозвались прихвостни.

Свечи опускались всё ниже. Отчаяние и злоба Женщины в белом сгущались в её груди тяжёлым, ядовитым комом. Силы покидали измученное тело, но ненависть росла, заполняя каждую клеточку существа.

Нань Цзин против воли проживал этот кошмар вместе с ней. Ярость затопила его сознание, глаза защищало от злых слёз.

Староста передал свечу и разделочный нож помощникам, а взамен взял глиняный горшок с пеплом и длинную деревянную линейку. Дряблые веки опустились, в его взгляде не было человеческого тепла — лишь холодный расчет хозяина, осматривающего вещь.

Окружающие ловили каждое его движение с фанатичным блеском в глазах.

Вскинув горшок с пеплом, староста зычно выкрикнул:

— Да снизойдёт на деревню Одинокого Дракона богатство и вечное процветание!

— Да снизойдёт на деревню Одинокого Дракона богатство и вечное процветание! — безумно взревела толпа.

По комнате пронёсся ледяной порыв ветра, но пламя свечей от этого не погасло — напротив, оно разгорелось ярче, выбрасывая ввысь длинные багровые языки.

Староста запустил сухую руку в горшок и швырнул горсть колючего пепла прямо в лицо и на тело Нань Цзина. Затем занёс жилистую, покрытую тёмными венами руку с деревянной линейкой и наотмашь ударил его по лицу.

Хлёсткий удар разорвал тишину.

Голова Нань Цзина мотнулась в сторону. Щёку мгновенно раздуло, обожгло дикой болью. На губах выступила тёплая, солоноватая кровь. Мерзавец бил наотмашь, не жалея сил.

Вдруг в его сознании раздался пронзительный, полный безумия и боли девичий крик:

"Больно! Как же больно! Я убью вас всех! Слышите, убью!"

"Даже мёртвой я не оставлю вас в живых!!!"

Голос сочился запредельным горем и леденящей душу злобой. Нань Цзин сразу понял — это

говорит сама Женщина в белом.

Попытавшись успокоить бушующий ураган чужих эмоций, он мысленно обратился к ней:

"Это ты затащила меня сюда из гроба? Просила спасти тебя? Говори, что мне делать!"

Девушка на мгновение умолкла, а затем в его голове зазвучал тихий, обречённый шёпот:

"Ты ничего не сможешь сделать... Свечи сдерживают меня, но на тебя их сила не действует. Вот только ты не можешь управлять моим телом, чтобы потушить их. Тебе не спасти меня. И себя ты тоже не спасёшь..."

"Сейчас они начнут снимать с меня кожу", — несчастная зашлась в безумном плаче. — "Когда они срежут её, моя душа окончательно угаснет, а в реальном мире твоя собственная кожа сойдёт с твоего тела в тех же местах. И тогда нечисть заберётся прямо в твою плоть. Ты погибнешь вместе со мной".

В багровых отсветах свечей староста монотонно читал заклęcia. Он вновь и вновь бросал пепел и опускал грубую занозистую линейку на незащищенное тело. Каждый удар оставлял рваные багровые полосы. К тому моменту, когда он принялся избивать её в кровь, на дереве уже проступили зловещие алые разводы.

Нань Цзин до зубовного скрежета ненавидел эту беспомощную боль. Но физическое истязание лишь распалило в нём ярость. Нань Цзина отродясь никто не смел безнаказанно бить — в драках он всегда брал своё.

Однако сейчас он был заперт в чужой плоти.

"И всё же, почему ты так уверена, что мы обречены?" — холодно спросил он.

Девушка глухо застонала от очередного удара.

"Всё слишком сложно... Ты человек, а я лишь призрак. Живым заказан путь в мир мёртвых, ты не сможешь повести моё тело за собой. И вернуться в своё собственное у тебя тоже не выйдет".

"Но ведь прямо сейчас я нахожусь в твоей оболочке, разве нет?" — возразил Нань Цзин.

"Я не знаю, как тебе это удалось..." — пробормотала она. Постепенно ужас в её голосе уступил место недоумению. — "Действительно... Ты должен был просто увидеть моё прошлое со стороны, а не вселяться в меня и говорить со мной. По законам загробного мира живой дух не может слиться с мёртвой плотью. Откуда на тебе..."

Она осеклась.

"Откуда на тебе этот могильный хлад? Ты ведь дышишь, ты живой! Но от твоей души веет загробным царством, будто ты одной ногой уже стоишь на том свете. Неужто ты проводил обряды призыва или... обручился с покойником?"

"А, ты об этом", — мысленно отозвался Нань Цзин. — "Да, я заключил загробный союз. И у меня есть Колокольчики загробного союза".

"Загробный союз!" — в её голосе вспыхнула слабая надежда. — "Тогда всё меняется! Но... одного союза мало, чтобы выдержать мой посмертный гнев. Моя призрачная суть может просто выжечь твою душу, и тогда..."

"Вообще-то", — спокойно прервал её Нань Цзин, — "у меня заключено пять загробных союзов".

"Пять?!"

Девушка опешила. Наступила ошеломлённая тишина. Наконец она растерянно спросила:

"Да зачем тебе вообще сдалось пять-то?!"

Но не успел он ответить, как её голос сорвался на истошный писк:

"Погоди... Что это?! Почему от тебя веет силой самого Императора призраков?! Кто ты такой и что тебя связывает с Великим императором Фэнду?!"

<http://bllate.org/book/19041/1939622>